

УДК 821.112.2-1
ББК 84(4Гем)-5
Л59

Werner Lindemann

MIKE OLDFIELD IM SCHAUKELSTUHL
Notizen eines Vaters

© Brigitta Lindemann

Illustration and photos on the cover: Matthias Matthies

Линдемманн, Вернер.

Л59 Майк Олдфилд в кресле-качалке. Записки отца / Вернер Линдемманн ; [перевод с немецкого О. Нацаренус]. — Москва : Эксмо, 2020. — 240 с.

УДК 821.112.2-1
ББК 84(4Гем)-5

© Перевод. О. Нацаренус, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109734-9

О КНИГЕ

В начале восьмидесятых годов девятнадцатилетний Тилль Линдемманн жил в загородном доме своего отца, в Мекленбурге, где в сельскохозяйственном производственном кооперативе учился плотническому мастерству.

Вернер Линдемманн, известный в ГДР детский писатель, не без конфликтов проживая вместе со своим сыном, наблюдает — иногда с непониманием и гневом, но, бывает, что с уважением и любопытством: ранние любовные истории сына, его легкомысленные выходки на нетрезвую голову, протест против обывательских отношений в ГДР, его характер, желание уехать. Попутно с этим отец мысленно возвращается в свою молодость, время которой выпало на последние годы войны, и анализирует политические конфликты своего времени.

Тилль Линдемманн, на сегодняшний день солист группы Rammstein и поэт, в своих комментариях к книге бросает взгляд в прошлое, и сопоставляет повествование отца со своими собственными воспоминаниями.

ОБ АВТОРЕ

Вернер Линдемманн, родился в 1926 году, скончался в 1993 году, был успешным автором детских книг в ГДР. Изучал литературу в институте имени Иоганнеса Р. Бехера в Лейпциге, участник первой, так называемой, Биттерфельдской конференции¹. Состоял в браке с Гиттой Линдемманн (директор по культуре NDR² Radio MV³ с 1992 по 2002 год). Помимо сына, Тилля Линдемманна, у них общая дочь.

В юности Тилль Линдемманн был мастером спорта по плаванию, по окончании школы-интерната обучался плотническому делу, работал корзинщиком. С 1994 вокалист и автор текстов группы Rammstein. Живет в Берлине. Изданные

---

¹ Биттерфельдская конференция была посвящена программе развития социалистической культуры в ГДР, направленной на создание самостоятельной социалистической национальной культуры, которая должна была наиболее полным образом удовлетворять растущие художественно-эстетические потребности трудящихся. Здесь и далее прим. переводчика.

² NDR (нем. Norddeutscher Rundfunk) — «Северогерманское телерадиовещание».

³ Radio MV — региональная радиостанция Мекленбурга-Передней Померании.

ОБ АВТОРЕ

поэтические сборники: «Messer» (Нож) (2005), «В тихой ночи. Лирика» (2013), «Стихотворения» (2015), а также «Сто. Лирика» (2020).

Хельге Малхов, родился в 1950, с 2001 по 2019 — издатель в Kierpenheuer & Witsch. С 2019 — редактор-консультант.

ПРЕДИСЛОВИЕ ТИЛЛЯ ЛИНДЕМАННА

ЖИЗНЬ НЕ СВЯЗЫВАЕТ ОТЦА И СЫНА ВЕРЕВКОЙ,
ИМ ПРИХОДИТСЯ ПЛЫТЬ ПО РЕКЕ ВРЕМЕНИ
И ЗАЧАСТУЮ ТОНУТЬ,
ТАК, КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ С ДВУМЯ КОРОЛЕВСКИМИ
ДЕТЬМИ¹.

Тилль Линдеманн

«Майк Олдфилд в кресле-качалке» вышел в свет в 1988-м, а написан был в начале восьмидесятых, когда Тилль (в книге его зовут Тимм) обитал со своим отцом в мекленбургском деревенском доме. Вернер Линдеманн скончался в 1993-м. Ему не суждено было дожить до грандиозного успеха своего сына в качестве вокалиста группы Rammstein.

---

¹ Речь идет о немецкой народной балладе, о принце и принцессе, в которой идеологическим ключевым моментом является конфликт поколений. — *Здесь и далее прим. пер.*

Молодые саженцы изо всех сил пытаются подняться в тени старых деревьев.

СЕНТЯБРЬ

Первый золотой сентябрьский день. Вот уже семь лет, как я живу в этом доме. Я все еще слышу, как председатель кооператива говорит: «Можете располагаться, переезжайте, ведь если в нем никто не живет, его через несколько недель снесут». Семь лет. Ни разу этот пейзаж не показался мне однообразным. Даже сегодня, глядя на затянутое тучами небо, мне хочется воскликнуть: Господи, как прекрасно! Я сижу под корявой боскопской яблоней, сочиняю стихи, мне сложно сосредоточиться. Тишина настолько глубока, что я слышу, как яблоки пьют солнце.

На мансарде шум и грохот. Там поселился мой сын, Тимм. Ранним утром грядущего понедельника он на велосипеде проедет по грунтовой дороге четыре километра. В соседней деревне есть мастерская по ремонту телег. Там парень будет работать.

Хорошо ли будет нам под одной крышей?

Я знаю, как жить в уединении, как работать в одиночестве. Я забываю о целом мире, когда сажусь за письменный стол. В то же время, переполненный отчаянием, заламывая руки, я ожидал человеческого голоса, в томлении изнемогал от тоски перед тем, как на выходные из городской квартиры приезжали жена и дочь.

Тимм — дитя города, и ему всего девятнадцать.

Тибулл говорил: «В одиночестве будь сам себе толпой»¹.

Простая вещь, которую сложно осуществить. Человек — существо коллективное.

«Завтра ты должен зарегистрироваться в полиции».

«Время еще есть».

«Времени нет! Этот вопрос должен быть улажен».

«Все у вас должно быть улажено».

Следующая схватка — у телевизора. Он хочет смотреть детектив, я — документальный фильм

---

¹ Albius Tibullus — древнеримский поэт, живший в I веке до Р.Х.

о начале войны против Советского Союза. Костяшки пальцев выстукивают мою правоту. Сын становится раздражительным.

Диалог после фильма: «Свинство, что натворили немцы. И ты не возникал против этого?»

«Мне было пятнадцать».

«Против войны можно что-то делать и в пятнадцать».

Я молча исчезаю в своей комнате и думаю: школа не передала ему реальной картины истории, о Движении Сопротивления он знает совсем немного. Внезапно я осознаю: пропасть между Тиммом и мной слишком широка и глубока.

Что знает он обо мне? Что я о нем знаю? В последние годы он редко садился за мой стол, когда на небе появлялась полная Луна. В детско-юношеской спортивной школе он был востребован чуть ли не каждые выходные: тренировки по плаванию, разъезды, соревнования. Я мог бы по пальцам сосчитать дни, проведенные вместе в городской квартире. Я отдавался предпочтению сидеть здесь, в нашем старом деревенском доме, среди ракушечных холмов.

Мне следует больше говорить с мальчиком. Но как?

Уступать. Или мне кажется так, потому что я, хмурый после бессонной ночи, еле отполз от авторучки? Тимм даже не здоровается, насвистывая, покидает дом. Я уныло шаркаю за ним, чтобы заставить себя проснуться уже в овраге. На спуске я несколько раз бранно рычу проклятия, потому что парень по-прежнему не оборачивается.

На золотом пшеничном колосе, в меже, хлопает крыльями капустаница. Может, она опьянела от запаха хлебного зерна?

Мансарда. Под окном Тимма самодельная лежанка-топчан. Около голландская печь с дымоходом, скамья. На одной стене — полка с вазами, подсвечниками, фотографиями, камнями.

На другой стене плакаты, боксерские перчатки, старые печные изразцы, эспандер, пустые старые рамы. Теплое гнездышко, свитое со вкусом. Но почему столько хлама на стенах? Вечером на мой вопрос его ответ: «Я должен повесить что-то вроде красочной фотографии председателя Государственного совета?»

В детско-юношеской спортивной школе он был востребован чуть ли не каждые выходные: тренировки по плаванию, разъезды, соревнования. Я мог бы по пальцам сосчитать дни, проведенные вместе в городской квартире.

Тимм, фыркая, входит в дом, швыряет рюкзак и телогрейку, стряхивает с ног резиновые сапоги, слизывая с губ дождевые капли. Три дня ремесленником — волнующее событие?

Мой сын отвечает: «Ну да».

Я протягиваю ему полотенце. Он отвергает. «Я же не маленький ребенок».

ВОСПОМИНАНИЯ

Морозный январский день сорок первого. Газета предлагает место преподавателя сельского труда.

Мама: «Вот бы тебе».

Отец: «Едем туда».

Выкупавшись, я, чистый, облачаюсь в лучший, единственный костюм. Отец достает из гардероба воскресные брюки, клетчатый пиджак и куртку. Мы мчим в совершенно промерзшем утреннем поезде на сорок километров севернее. Наша цель: небольшая железнодорожная станция посреди плоской как стол равнины, без деревьев и кустарников.

Дорога к деревне — совершенно прямая шестикилометровая линия с высокими сугробами. Ледяная пурга хлещет по нашим лицам, заползает в каждую пору пальто, проскальзывает

в каждую прорезь для пуговиц. Пройдя две трети пути, я лишаюсь сил, я больше ничего не хочу. Мои щеки горят. Руки застыли. Уши побелели от холода. Отец трет мое лицо, отдает мне свои перчатки и утешает мыслью о теплой кухне фермера. Представление о том, что мы сможем выпить по чашке теплого молока, прибавляет мне мужества.

Посиневшие от холода, измученные, мы наконец-то добираемся до хутора. Отец стучит в дверь. Приоткрывается щель. Отец подносит туда газетное объявление и говорит: «Мы приехали...»

«Место учителя уже занято», – прерывает его энергичный голос. После этого дверь снова закрывается. И тогда я впервые вижу, как глаза моего отца становятся влажными. И это – мой отец, мой лучший друг на Земле, и тут я тоже уже не могу сдержать слезы.

ВОСПОМИНАНИЯ

Осень сорок первого. Ежедневно, даже в воскресенье, я обучаюсь сельскохозяйственному делу у одного крупного фермера. Ночь для меня заканчивается еще до рассвета, сразу после трех.

Мне приходится запрягать лошадь и ехать на старой почтовой карете три километра до стан-

ции, чтобы доставить посылки и мешки с письмами на четырехчасовой поезд, забрать посылки и мешки с письмами и вернуться обратно. Фермер называет эту работу «телега вознаграждений», он обязан выполнять ее для почтового отделения местечка земледельцев. Свой первый завтрак я получаю после поездки, около семи часов: тарелка мучного супа и ломтик черствого хлеба.

Свой первый завтрак я получаю после поездки, около семи часов: тарелка мучного супа и ломтик черствого хлеба. Продовольственных карт больше не существует.

Продовольственных карт больше не существует. Фермер вместе со своей семьей ест окорок и колбасу из забитой домашней свиньи. Они завтракают, пока две деревенские девушки-подмастерья и два польских военнопленных работают. Морозное зимнее утро. Я на козлах, кутаюсь в теплую попону из мешковины и уступаю своей усталости. Лошадь знает дорогу на станцию. Просыпаюсь от болезненного жжения на лице.

Срываю с головы покрывало. Рядом с дилижансом фермер на велосипеде. В его руке хлыст. «Проклятый сукин сын! Я научу тебя, как не спать на работе!»

* * *

Я приготовил ужин: тарелка с бутербродами, рядом с ней ваза с астрами, горящая свеча. Тимм: «Ты празднуешь новую книгу?»

«Нет, я хочу поужинать с тобой». Он жует упругий помидор, садится и причавкивает: «У нас потрясно уютно».

После трапезы мы выходим — ах, когда поздний вечер видел нас такими бесшабашными! Идем бродить среди буков в Айкенкампе¹ и искать грибы. Нас сопровождает вечернее солнце, над нами, как всегда, нависает неповторимое облачное мекленбургское небо. Шелестит первая опавшая листва. В кронах деревьев шумит засыпающий ветер. Наша беседа о грибах, деревьях и поросли легкомысленна. Но вызывают возмущение гниющие бревна деревьев, которые сознательно или непреднамеренно были забыты лесорубами, и лесником, который попустительствует этому разгильдяйству.

Наши корзины уже полны белыми грибами, красноногими боровиками и моховиками. Я счастлив и доволен. Мой сын, кажется, тоже... Небольшой хвойный заказник. Между ветвей свисают сети пауков, полные росы. Они сверкают, подобно падающим хлопьям снега. Предвестники зимы.

**Наши корзины уже
полны белыми
грибами, красноногими
боровиками
и моховиками.
Я счастлив и доволен.**

---

¹ Айкенкамп — заказник в регионе Мекленбург.

ВОСПОМИНАНИЯ

В заходящем солнце золотятся кроны сосен. Потрескивает кора. От почвы тяжелый запах хвои. Мы бредем от одной дерновой скамьи до другой, присматриваясь к желтым волнистым коронам лисичек. Прямо перед нами колоннами маршируют мухоморы. Мой мальчик рвет их за ножки и шлепает красочными шляпками о стволы деревьев.

«Зачем? — спрашиваю я. — Они такие красивые».

«Они ядовитые. То, что ядовито, я превращаю в месиво».

* * *

Под крышей суматоха. Как только Тимм оказывается в доме, я слышу, как он кашляет, грохочет, стучит, шаркает ногами. Я прислушиваюсь, когда скрипят ступени лестницы, хлопают двери. Когда он на работе, мои мысли заняты им. Вот остался бы он в городской квартире, работал бы плотником при комбинате по жилищному строительству... Нет, хорошо, что он живет со мной. Он вносит в тишину дома свежий ветер. Мой распорядок дня стал более точным, чем раньше: подъем в половине шестого, кофе до шести, далее за письменный стол и работать приблизительно до двенад-